

К

Le

О

Roosh

Л

О

Б

О

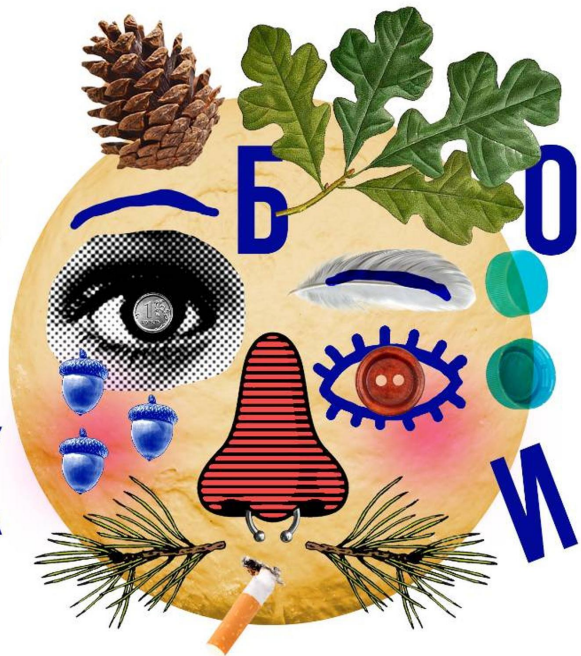
К

М

А

Д

А

Le Roosh

Колобокиада

<https://litres.ru/74068678>

SelfPub; 2026

Аннотация

А что, если бы Колобка не съела лиса? Как далеко он мог бы укатиться?

Дальше, чем вы думаете. Гораздо дальше.

Он катится по миру, обрастая не только мусором, но и вопросами: кто я? Зачем я? Почему меня всё время хотят съесть, запатентовать или выкинуть как мусор?

Дикобразы. Сибасы. Профитроли. Графы. Кулебяка. И полный набор экзистенциальных кризисов на любой вкус.

Это не сказка. Это руководство по выживанию для тех, кто чувствует себя круглым комком теста в мире, который хочет его раскатать.

Содержание

Глава I, в которой Колобок выжил, но окончательно запутался	4
Конец ознакомительного фрагмента.	18

Le Roosh

Колобокиада

Глава I, в которой Колобок выжил, но окончательно запутался

Итак.

Колобок вскочил Лисе на мордочку и затащил свою нетленку:

Я Колобок, Колобок!

Я по коробу скребён,

По сусеку метён,

На сметане мешон,

Да в масле пряжон,

На окошке стужон;

Я от дедушки ушёл,

Я от бабушки ушёл,

Я от зайца ушёл,

Я от волка ушёл,

И от медведя ушёл,

А от тебя, лиса, и даввно уйду!

— Спасибо, Колобок! Славная песенка, ещё бы послуша-

ла! Сядь-ка на мой язычок, да пропой в последний разок, — сказала Лиса и высунула свой язык.

Предложенное место выступления не впечатлило Колобка, видал он и другие подмостки на своём жизненном пути. Да и в акустике были сомнения, а единственным номером в репертуаре нельзя было рисковать.

Колобок насторожился и наступила неловкая пауза, подчеркнутая молчанием лесных птиц.

Рыжая недобро сверкнула глазом, в попытке затормозить условные рефлексy, но слюна предательски капнула.

Колобок не успел принять самостоятельного решения, покачнулся, падая с лисьего носа испытал сильнейшее *déjà vu*, и стремительно покатился под горку. Лиса попыталась поймать свой запланированный обед, но, промахнувшись, лишь придала ему ускорение.

Катился Колобок долго-предолго, мысли путались в его голове, очертания принимали самые разнообразные формы — от колбаски (на отрезке по Малой Спасской) до шара и обратно.

В конце концов, приняв форму своего прародителя, колобка ярославского, или, другими словами, разбившись почти в лепёшку, он остановился совершенно опустошённый внутри, но порядком наполненный снаружи — от влажности он размок и стал липкими и притягательными для разного рода мусора.

Колобок с трудом открыл слипшиеся с пыльной дороги

глаза, привёл себя в форму, пока позволяла консистенция, и впервые в жизни увидел реку, а в ней — самоё себя. Да вот беда — после всех передраг и сотрясений, докатившись до края земли, не помнил наш герой ни кто он, ни откуда, а главное — куда. И текст нетленки своей позабыл. И спросить некого. Сидит, кручинится, пялится в своё рябое отражение, густо украшенное прилипшими сучками и задоринками, и силится принять себя таким, каким отразило его зеркало природы.

Трудно сказать, сколько времени прошло, но, когда процесс принятия почти завершился, из-за коряги выползло суровое, колючее существо.

— Сынок? — хрипло произнесло существо, прищурившись. — Это ты, Аркадий? Наконец-то вернулся. А зачем так нарядился? Опять мусорной эстетикой увлёкся?

Колобок молчал, ошеломлённый. В первую очередь, потому что «сынком» его не называли с 1873 года. То есть примерно никогда. И никто. Ни Афанасьев, ни Ушинский, ни Толстой! Во вторую очередь, в его текущем состоянии — липкий шар, декорированный отходами — формальный дресс-код для семейного воссоединения был ему неясен.

— Ну, чего встал? — буркнул предполагаемый родитель. — Иди к своим, мать волнуется. Только колючки поправь, а то торчат, как попало. Позорище.

И Колобок, движимый смутной надеждой обрести хоть какую-то идентичность, покатился следом. В просторном

подземелье под корнями векового дуба его встретили как пропавшего отпрыска — радушно, но с оттенком родительского внушения. Надо сказать, что настоящие дикобразы оказались суровыми классиками: их стиль — грозные, чёрно-белые иглы, поставленные как копыя. Никакого мусора. Только практичная, смертоносная элегантность. Носить на себе что-либо, кроме собственного достоинства, считалось у них дурным тоном.

Колобок Аркадий на их фоне был потешной пародией на воина. Его «иглы» из хвои и веток гнулись, полиэтиленовые «доспехи» шуршали, а бутылочные крышки позвякивали жалобно, словно монетки в кармане нищего.

— Аркаша, — цокнул языком старший брат, осматривая его «экипировку». — Настоящая игла — она пронзает, а не цепляется за кусты.

Колобок пытался соответствовать. Он старался топорщиться, но его «колючки» безвольно обвисали. На уроках боевой стойки он лишь беспомощно крутился на месте, всё больше запутываясь в полиэтиленовых лентах. А когда к норе подошла рысь, все дикобразы развернулись стеной грозных, похрустывающих игл, а Колобок просто дрожал, и от страха от него, наконец, отвалился вкладыш Turbo.

— Нет, — резюмировала мать, глядя на Колобка с беспощадной зоологической ясностью. — Что-то ты не наш, Аркадий. Наши иглы — это честь. А твои — хлам.

И в этот самый момент у входа в нору возникла тень. В

проёме, залитом лунным светом, стоял идеальный дикобраз. Мощный, молчаливый, с иглами, отточенными самой природой, на кончике одной из которых красовалась, как трофей, спелая ежевика. Он испытующе фыркнул — низко, как бас-профундо дикой природы. Это был настоящий Аркадий.

Мгновение выбора было безжалостно коротким. Взгляд матери скользнул от Колобка в его жалком карнавальном уборе к суровой, неоспоримой аутентичности нового пришельца. Между шаром, который изображает дикобраза, и тем, кто им является, не могло быть компромисса.

— Вот, — сказала она Колобку с сожалением биолога, наблюдающим неудачный эксперимент. — Ты просто не отсюда. Твоя стая — не здесь. Иди.

Его не то чтобы выгнали. Его заменили. Колобок снова остался один. Но теперь к пустоте внутри прибавилось ощущение полной, катастрофической неправильности и поселилось новое чувство — стыд. Стыд за то, что он плохой дикобраз. Что его иголки — ненастоящие. Что его родной дом — не под этим дубом.

Именно в таком, окончательно развенчанном и усеянном доказательствами своей фальши состоянии, он покатился вниз по берегу реки. И тут его заметили птицы.

Не хищные. Не вороны. Пусть будут педантичные кедровки.

— О, смотри-ка, — прошебетала одна, кружа над Колобком. — Антропогенный мусор, прикидывающийся млекопи-

тающим. Некрасиво.

— Возможно, полезный, — добавила другая, уже деловито ковыряя клювом в полиэтиленовом хвосте. — Материал для гнезда. Лента крепкая.

И началось великое санитарно-строительное мероприятие. Они не клевали его, а разбирали. Точными, быстрыми движениями вытаскивали соломинки и щепки. Отдирали прилипшие листья. Аккуратно сматывали целлофановые ленты. Даже старую жвачку, приняв за странную смолу, осторожно отклеили и унесли, как гидроизоляционный материал.

Колобок лежал и не сопротивлялся. Ему было всё равно. Пусть забирают. Пусть разберут на части. Это даже было облегчением — чувствовать, как с тебя снимают чужой, неудобный костюм, в котором ты так неудачно пытался пройтись.

Через полчаса птицы, довольные наживой, улетели вить гнёзда из городского хлама. А на берегу остался чистый, гладкий, слегка румяный Колобок. Без бутафории. Без прикрас. Без попыток казаться кем-то другим. Просто круглый комок теста, изрядно помятый жизнью.

Он вздохнул, насколько это возможно для спрессованного хлебобулочного изделия, и покатился к воде — не для того чтобы утонуть, а потому что другого направления не было. И тут мимо проплыла и поманила белоснежная льдина. Колобок не сразу решился осквернить хрустальную палубу сво-

им присутствием, но других пассажиров на берегу не было, а корабль без капитана представлялся Колобку куда более печальным зрелищем, чем был он сам. В общем, сел колобок на краешек и смиренно поплыл по течению.

Не сразу заметил как его унесло в море, а когда заметил, даже обрадовался: безызвестность плывет в неизвестность. Главное — вокруг завораживающая безмятежность и умиротворение.

Безмятежным остался наш странник, даже когда на льдину забрался какой-то незнакомый тюлень. Колобок, не привыкший начинать диалог первым, молчал. Тюлень тоже. Спустя четверть часа, в колобке забродили навыки социализации и неожиданно для себя он всё же спросил:

— Ты кто?

— Я — Заяц. А ты кто?

— Заяц?! — изумился колобок, — заяц... заяц... что-то знакомое Мы раньше не встречались? Вы меня не узнаете? Меня раньше как-то все сами узнавали, представляться не приходилось...

— Исключено. Я бы такого запомнил — отвесил Заяц то ли комплимент, то ли фунт презрения.

Колобок по природе своей был сдобным, поэтому однозначно расценил ответ как комплимент, и тут же поток воспоминаний и флэшбэков подхватил и унёс его льдину к родным сусекам.

Он вспомнил всё — бабуку, деда, зайца, волка и свою стар-

товую площадку, залитую солнцем. От этих воспоминаний Колобок чутка подрумянился и лёд под ним начал таять. Но когда волна памяти достигла кончика лисьего носа, незнакомцу показалось, что вокруг Колобка запахло жареным.

Вернувшись из недр бессознательного к Зайцу, Колобок строго спросил:

— А уши где?

— Какие уши?

— Вооот такие, — хотел было показать Колобок, да нечем. Поэтому самозванец так и не получил должного представления о том, чем не обладал, но вроде как должен был, по мнению нового знакомого.

— Я морской заяц — на всякий случай уточнил морской заяц, — у меня и справка имеется.

Всматриваясь в паспорт дикого животного, Колобок выглядел растерянно и глупо, но в действительности просто стремительно замерзал и начинал похрустывать при малейшей попытке открыть рот. Всё растопленное им, снова кристаллизовалось и сковало у основания.

— А ты то кто? — повторил свой вопрос тюлень, на поверку оказавшийся зайцем.

— Я клбк, — самопрезентовался Колобок.

— Кто-кто? — в голосе зайца зазвучали нотки разочарования.

— Клбок, — превозмог себя Колобок и разжал губы на ударной гласной.

— Тогда я лахтак! Клобок решительно лучше звучит рядом с лахтак, — подтрунивал Заяц, грузно скрывшись в толще воды и вынырнув с другой стороны льдины, совершенно не замечая страданий собеседника.

Колобок разозлился и разогрелся, тёплое молоко прилило к вискам и гиппакампу, молниеносно наведя порядок в картотеке воспоминаний.

— Я — Колобок! Колобок я! — выкрикнул он, и слова нетленки полились сами собой со скоростью, за которой колобок не успевал артикулировать, но продолжал набивать себе цену:

*Я по коробу скребен,
По сусеку метен,
На сметане мешон,
Да в масле пряжон,
На окошке стужон,
Я от дедушки ушел,
Я от бабушки ушел,
Я от зайца ушел,
Я от волка...*

Морской заяц не дослушал: и без того напуганный несогласованным со звуком изображением, услышав своё родовое имя в этом речитативе, он перепугался до смерти, лихо оттолкнулся задними лапами — точь-в-точь, как лесной его брат, и бесследно исчез.

Колобка уносило всё дальше, причём во всех смыслах. И

он, бороздя просторы Белого моря, самозабвенно исполнял свой хит, пока не убедился, что текст шлягера отскакивает от зубов не хуже золотых монет.

Надо сказать, что воспоминания о Лисе отозвались у него коликами в боках — с одной стороны, она отпечаталась в его сознании преданным фанатом, и это согревало, с другой стороны — именно лисий нос стал отправной точкой его текущих неприятностей, и это раздражало. При условии чередования оба эти состояния помогали согреваться колобку, ровно в той мере, которая не позволяла ему превратиться на морозе в чёрствый сухарь и начать крошиться. Попытка погрузиться только в положительные или отрицательные эмоции непременно приводила к чрезмерным проталинам под колобком и наносила непоправимый урон его хрустальному фрегату.

Долго ли, коротко ли, но песня Колобка, вибрирующая во льдах-молчунах, привлекла внимание другого обитателя. Из тёмной воды, разрезая волны спинным плавником, как рифма — строфу, вынырнула длинная, стремительная тень.

На поверхности появился влажный, блестящий нос, а за ним — пара глаз, полных холодного, хищного интеллекта.

— Добрый вечер! — прогремел откуда-то низкий, внушительный голос, от которого по льдине пошли новые трещинки. — Я — Волк. А ты кто?

Колобок испытал короткое замыкание в сознании. Он помнил волка серым, лохматым и воющим на луну, а не бле-

стящим, гладким и торчащим из ледяной воды. Путаница была полнейшей. Но рефлексы, отточенные в лесу, заставили его автоматически проскандировать:

*«Я от бабушки ушёл
Я от Зайца ушёл,
а от тебя, Волк, и давно уйду!»*

— Плавали, знаем. Надоело уже. — Колобок безошибочно считал немой укор в рыбьих глазах. — Каким течением тебя сюда занесло? — не открывая рта вопрошал Лжеволк. — В поисках лучшей доли или просто хочешь попробовать сибаса?

— Хочу чего?! — взвизгнул Колобок, почуя в этом странном словосочетании какой-то древний, волнующий и, кажется, очень нужный ему сейчас посыл.

— Сибаса, — морской волк пуше прежнего округлил глаза на ударной гласной, и слово зазвучало внутри Колобка как магическая формула, как мастер-ключ. — Сибас – повторило морское чудище — это моё второе имя. А «хотеть сибаса» — это состояние души. Это порыв. Желание оказаться не здесь. Внутренний зов. Понимаешь?

Колобок понимал, как никто до него не понимал. И сибаса хотел как никогда прежде, ни в одной своей литературной обработке. Казалось, вся его текущая редакция была одним сплошным, неосознанным желанием сибаса. Потому что со стороны вся эта бескрайняя сцена выглядела как чистойшей

воды безумие.

— Хочу! Научите! — взмолился Колобок, и его крошки посыпались на лёд.

Сибас величественно кивнул.

— Сосредоточься. Внутри тебя должен созреть кокон трансцендентного нетерпения. Потом ты делаешь вдох, и на выдохе, с нужной интонацией, где-то на стыке отчаяния и надежды, произносишь: «Я хочу сибаса!» Заклинание работает на любом берегу. Главное — верить.

Колобок старался. Он корчил рожи, пытаясь выразить «трансцендентное нетерпение». Он пыхтел, кряхтел и крошился. Наконец, сорвавшись на фальцет, выкрикнул:

— Я хочу сибасааа!

Ничего не произошло. Только чайка, пролетавшая мимо, гадко захохотала.

— Эмоционально, но неконкретно, — отобразилось бегущей строкой в глазах Сибаса. — Ты хочешь вообще или конкретно сейчас? Ты хочешь сибаса отсюда или сибаса вон на тот айсберг? Без точной формулировки ты останешься ни с чем. Как большинство. — покачал головой Сибас и, взмахнув плавником, растворился в пучине, оставив Колобка с новой, ещё более изощрённой мукой: теперь он не просто хотел уйти, он отчаянно хотел попробовать именно сибаса! Хоть раз в жизни! Но не мог, ибо не определился с вектором, внутренний компас давно сбился от бесконечного вращения вокруг не своей оси.

Вконец запутавшегося и подмёрзшего, на закате его прибило к скалистому берегу, поросшему хвощом. И тут, из-за камня, на него уставилась пара умных, близко посаженных глаз в чёрной маске Zorro.

В распоряжении Колобка теперь было две мантры, он выбрал покороче и во всё горло заорал, делая и без того простое предложение ещё более простым — односоставным:

«Я. Хочу. Сибаса!»

Но он снова забыл дать точные координаты места эвакуации, поэтому заклинание не сработало, и он приготовился к смол току.

— Сибаса все хотят, булочка моя, но без труда не вытащишь и рыбку из пруда. А голодному не дай рыбку, дай удочку — строчила как из пулемета мудростью на грани хитрости новая знакомая.

— Я лиса. Уссурийская. Точнее Собака. Енотовидная. Или енот. Но тогда тоже уссурийский. А ты кто?

У Колобка от вариативности названий голова пошла кругом по дальнему радиусу и затроило в глазах. Он мысленно жонглировал родовыми именами, и в попытках воспроизвести хотя бы одно из них, вконец позабыл кто он сам.

Знакомые слова больше не означали знакомых существей.

— Я... Аркадий. Шарообразный. То есть, дикобраз. Сдобный... хлебобулочный... колоб я... Я — Колобок-румяный-бок! — неожиданно докопался до истины кругляш.

«М-да, — произнесло существо, обходя Колобка кругом. — Форма — архаичная. Консистенция — сомнительная. Но есть потенциал. Видишь ли, я сама — вечный вопрос для таксономистов. Лиса? Енот? Собака? Кто я? Никто из них и все сразу. Так что и ты тоже — не колобок.

— Я неколобок — почти не удивился Колобок.

— Ты — гипертекст, зашифрованный в углеводах! Тебя можно трактовать как угодно: как аллегорию страха перед обязательствами, как протест против кулинарных традиций, как годовой солнечный цикл, как звено в пищевой цепочке, как...

Последняя трактовка отозвалась дикой коликой в левом боку и колокольным звоном в местах, предназначенных для ушей. Когда тебя хотят съесть — это неприятно, но понятно. Ты еда. Строчка в десертном меню. Но когда тебя не едят, а пытаются идентифицировать и забетонировать в этой идентификации — это конец. Ты становишься полем битвы для чужих классификаций: то ли дикобраз, то ли субстанция, то ли символ. Единственный способ сохранить себя — продолжать катиться. Даже если не помнишь кто ты и куда идёшь.

Колобок отключился и покатился дальше.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.